

УДК 821.161.1-1
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)6-45

ГСНТИ 17.07.29

Код ВАК 10.01.08

М. О. Баруткина
Екатеринбург, Россия

МОТИВ МОЛЕНИЯ О ЧАШЕ В ЛИРИКЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 1930-Х ГОДОВ

Аннотация. В работе анализируется поэзия русского зарубежья 1930-х годов с точки зрения трансформации мотива моления о чаше. Мотив моления о чаше рассматривается как составная часть сюжетно-мотивного комплекса Гефсимании. Момент сомнения и абсолютного одиночества Христа является предметом исследования (и споров) многих ученых-богословов на протяжении двух тысячелетий. Для анализа в этой статье используются только некоторые аспекты мотива моления о чаше: мотив свободной воли, свободы выбора, богооставленности и богоборчества. Целью исследования является попытка продемонстрировать, как взгляд на конкретный библейский мотив характеризует автора и его время. Анализируются возможные виды и формы интерпретаций мотива в зависимости от индивидуального художественного мира автора или влияния эпохи. Для проведения исследования используются методы мотивного и интертекстуального анализа. Материалом служит поэзия русской эмиграции, которая демонстрирует классическое понимание мотива и новаторское прочтение. Стихотворения Кузьминой-Караваевой близки к евангельскому прочтению моления о чаше, поэтесса, несмотря на переживание смерти дочери, находит в себе силы принять свою судьбу, оставшись в одиночестве, она находит опору только в Боге. Иную интерпретацию демонстрирует Зинаида Гиппиус, которая несколько раз обращается к этому мотиву, но если в 1901 году поэтесса еще готова «пить всякую чашу до дна», то в 1930-е годы она уже сомневается, есть ли в этом необходимость, а главное — если у чаши дно? Вопреки ожиданиям, противоречивой и сложной представляется картина интерпретаций евангельского текста в поэзии русского зарубежья. Полученные результаты могут быть использованы в области изучения рецепции евангельского текста в русской поэзии XX века, характеристике лирики русского зарубежья первой волны эмиграции, в преподавании спецкурсов по литературе для филологических специальностей в высшей школе.

Ключевые слова: моление о чаше; русская лирика; евангельские тексты; библейские мотивы; русская эмиграция; русские поэты; поэтическое творчество.

М. О. Barutkina
Ekaterinburg, Russia

THE MOTIF AGONY IN THE GARDEN IN RUSSIAN POETRY OF 30th

Abstract. The main topic of this work is a poetry of Russian emigrants from the perspective transformation of the «agony in the Garden» motif. We analyze «agony in the Garden» motif as a part of plot and motif complex of Gethsemane. Many theologians are researching the moment when Christ was absolutely lonely and doubtful. There have been a lot of debates about it for the last two thousand years. In this article, we use only several aspects of the «agony in the Garden» motif: the motif of the free will, solitude and apostasy. The goal of this research is an attempt to demonstrate how the perspective on an actual Biblical motif characterizes an author and his time. We analyze possible types and forms of interpretations of the motif depending on an individual fictional world of an author and on an influence of an era. To conduct research used the methods of motivic and intertextual analysis of the poem. Analyzed texts include the poetry of Russian emigration that demonstrates a classical understanding of the motif and innovative reading. Poems of Kuzmina-Karavaeva are close to the Evangelical interpretation of the motif the «agony in the Garden». Poet has lost her daughter, but she still finds strengths to accept her destiny. Left alone, she finds strengths in God. Zinaida Gippius has this motif too, but it can be interpreted differently. In 1901 she is ready to drink the cup to its very dregs, but in the 1930s she is not sure if it's necessary or if it's even possible to reach the dregs. The motif is presented with a lot of contradictions in the literature of Russian emigrants. The obtained results can be used for the research about the reception of Evangelical texts in Russian poetry of the XX century, for characterization of the poetry of Russian White emigre, in the teaching of special literature courses for philologists in higher education.

Keywords: the Agony in the Garden; Russian poetry; evagelic texts; bible motives; Russian émigré; Russian poets; poetry writing.

Несмотря на сложность литературного процесса 1930-х годов вечные образы и мотивы находят свое отражение во всех формах литературной жизни того времени: официальной, «потаенной», а также за пределами страны. Не частым, но, на наш взгляд, особо значимым представляется мотив моления о чаше, где раскрывается экзистенциальный смысл встречи Христа с одиночеством, сомнением и смертью. Интерпретация мотива моления о чаше встречается не только у таких поэтов, как А. Ахматова, О. Мандельштам, Б. Пастернак, Д. Андреев, но и у авторов советской формации — Э. Багрицкого, А. Прокофьева и др. В этой работе основным станет анализ мотива в творчестве поэтов русского зарубежья 1930-х годов.

Мотив моления о чаше — часть сложнейшего комплекса Гефсиманского сада. Гефсимания — пространство для демонстрации личного опыта, где моление о чаше может обернуться как принятием

Бога, так и отказом от его мира. Гефсимания — это экзистенциальный сюжет о судьбе, о богооставленности человека в мире и о сомнении. Эти проблемы стали как никогда актуальными в XX столетии. Сюжетно-мотивный комплекс Гефсимании интерпретируется в его канонической системности авторами XIX века, XX век актуализирует диктуемые новой эпохой проблемы. Гефсиманский сад, по Юнгу, можно считать архетипом, порожденным коллективным сознанием: «Христос есть зримое выражение архетипа самости. Им представлена целостность божественного или же небесного характера, преображенного человека, сына Божьего *sine macula peccati*, незапятнанного грехом» [Юнг 2009: 50]. Ученик Юнга Эдингер концентрирует внимание уже на этапах жизни Христа и конкретно описывает Гефсиманское моление: «Высшее и наиболее впечатляющее переживание... приходит к человеку вместе с его Самостью или с чем-то еще, что чело-

век предпочитает называть объективностью психики. Пациент должен быть в одиночестве, чтобы узнать, что же именно его поддерживает тогда, когда он больше не в состоянии поддерживать себя. Только такое переживание может создать ему нерушимую базу» [Эдингер 2001]. Христос осознает свою человеческую природу только в момент моления в Гефсиманском саду, потому как он оставлен и учениками, и Богом, он не впервые искушаем, но впервые он просит помощи, но его не услышали даже избранные ученики. Именно это становится важным для авторов XX столетия: не как сохранить божественный образ, а как сохранить человеческое в человеке. Гефсимания стала точкой невозврата для многих философских учений, церковных ересей и религиозных направлений. Философы начала XX века обращаются к вечным сюжетам Евангелия, чтобы найти закономерности будущего в прошлом, чтобы вывести общие основания бытия для России и мира, чтобы понять предназначение человека. Так, Н. Бердяев, размышляя о свободе как главной категории человеческой жизни, обращается к Христу как примеру того, кто всегда соединял свою волю с волей Пославшего, но в экзистенциальный момент столкновения со смертью он противопоставляет свою волю Божественной и смиряется перед ней. Бердяев отмечает в Христе антиномичность, тем самым показывая его сложную природу, соединяющую человеческое и божественное. В этом случае Гефсимания становится центральным сюжетом, направленным на постановку проблемы соотношения воли и одновременного противоборства с ней. Д. Мережковский в работе «Иисус Неизвестный» утверждает, что самое главное, что должен сделать каждый человек — это взять свой крест и взойти на Голгофу, то есть принять свою судьбу. Но если сам Христос своей судьбы хотел избежать, то тем более на этот подвиг нет сил у человека, однако Мережковский настаивает, что только это и важно, только в этом и «братство»: «Только через наше человеческое сердце можем мы заглянуть в сердце человека Иисуса; только через наше смертное бремя можем мы заглянуть в Гефсиманию; тяжесть креста Его можем измерить, только взяв крест на себя» [Мережковский 1996]. Еще более парадоксально то, что пишет об этом сюжете проповедник и христианский философ Антоний Сурожский: «Мне кажется, что можно сказать, что для того, чтобы умереть нашей смертью, то есть смертью, которая для нас значима, которая для нас имеет реальные, существенные последствия, Христос должен был приобщиться к единственной причине смерти — к отрыву от Бога. <...> Думаю, можно сказать, что Христос испытал безбожие, обезбоженность» [Сурожский 2012: 56]. Важен в понимании Гефсимании и собственно богословский взгляд, который близок религиозной мысли первой трети XX века. В трактовке Евангелия от Марка святителем Василием Кинешемским описывается момент моления Христа в саду как момент борьбы и последнего искушения. Богословская литература также отмечает в Христе не божественные черты, а человеческие: «Рассеялись тучи сомнений, кончилась нерешительность, прекратилась невыразимая

мука колебаний» [Кинешемский 2016: 727]. Автор указывает на то, что сын Божий поборол сомнения силой молитвы. Каждый философ и богослов отмечают несколько важных аспектов моления, именно они и станут главными для поэтов XX века: мотив свободы, свободной воли и свободы выбора, богооставленности и богоборчества.

Мотив моления о чаше в 1930-е годы трансформируется в разные формы от классического толкования (лирический герой согласен взять свой крест и готов нести его), которое не искажает библейский смысл, до индивидуально-авторской интерпретации.

Обратимся к первоисточнику, то есть к трем синоптическим Евангелиям (Евангелие от Иоанна не описывает моление в Гефсимании). От Матфея: «И, отойдя немного, пал на лице Своё, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты» (26:39). От Марка: «И, отойдя немного, пал на землю и молился, чтобы, если возможно, миновал Его час сей; и говорил: Авва Отче! всё возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты» (14:39–42). От Луки: «Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! впрочем не Моя воля, но Твоя да будет. Явился же Ему Ангел с небес и укреплял Его. И, находясь в борении, прилежнее молился, и был пот Его, как капли крови, падающие на землю» (22:44–46). Два первых Евангелия почти не отличаются между собой. Евангелие от Луки считается эллинистическим, более художественным и ярким и, наверное, более человечным, понятным, отсюда главное отличие его интерпретации моления: Христос молится и страдает физически, с каплями крови (чтобы ощутимее было представить страдания), но богооставленность ощущается менее из-за явления ангела утешения. Характерно замечание Д. Мережковского: «Как же не сказать: если бы не было Луки, то и христианства бы не было? <...> Может быть, в самом деле, нам, очень грешным, — еще не плакавшим блудницам, еще не распятым разбойникам, — ближе всех Лука» [Мережковский 1932]. Все варианты Гефсимании объединяются трагическим «но», содержащим мысль о том, что как бы ни была сильна воля Христа, воля Божья окажется выше. Поэты не обращаются конкретно к какому-то одному варианту, а к мотиву в целом, объединяя все Евангелия в единый комплекс.

Безусловным представителем канонической интерпретации мотива в лирике русского зарубежья является поэтесса религиозной направленности — мать Мария (Елизавета Кузьмина-Караваева). В 1930-е годы она переживает трагедию: ее любимая дочь Гаяна погибает в России. К. Мочульский очень точно передает состояние того времени, которое испытывала поэтесса: «Бессонными ночами я её видела и с ней говорила... всё было темно вокруг и только где-то вдали маленькая светлая точка. Теперь я знаю, что такое смерть» [Мочульский 1946]. Ясно, что Е. Кузьмина-Караваева переживает экзистенциальный ужас столкновения со смертью и, тем не менее, в 1936 году практически сразу после смерти дочери она завершит стихотворение строчками: «Крылья дай отошедшей Гаяне, / Чтоб лететь ей к

небесному раю. / Мне же дай моё сердце смирять, /
Чтоб Тебя и весь мир Твой принять» [Кузьмина-
Караваева 1991: 77].

Мать Мария не отказывается от своего креста, она просит Бога смягчить ее страдания, не «слепить ярким светом», признается, что «Твою правду с трудом понимаю» [Кузьмина-Караваева 1991: 80], но вопреки этому принимает свою судьбу. Совершенно ясная и классическая трактовка моления проникнута открытым личным переживанием-просьбой: «если возможно, да минет меня...». Весь трагизм такого обращения к Богу в том, что этого «возможно» уже нет, она уже испила свою чашу до дна, большего страдания матери вынести не дано, и даже после этого она не отказывается от мира Божьего и от его законов. После 1936 года написано еще одно стихотворение, в котором также напрямую звучит, с одной стороны, возглас непонимания своего предназначения, а, с другой стороны, готовность принять и большие страдания. Лирическая героиня уверена, что красота, ради которой она так мучается на земле (очевидно, что божественная красота) — жестокая красота, потому как требует слишком многого. Но несмотря на то, что вместо «озера в горах», которое она бы выбрала, ей дано только увидеть: «вьюгу, голод, смертную разлуку, / Вечный труд кровавый и кровавый страх» [Кузьмина-Караваева 1991: 80], лирическая героиня не изменит той муке, которая ей дана. Подвижническая жизнь, прожитая матерью Марией, напрямую отражается в ее поэзии, непреклонно постулируется завет жить так, как заповедовано Христом.

Характерным представляется изменение в тридцатые годы трактовки мотива моления о чаше у Зинаиды Гиппиус. В 1901 году поэт формулировала свою позицию вполне в евангельском ключе: «Люблю я отчаяние мое безмерное, / нам радость в последней капле дана. / И только одно здесь я знаю верное: / надо всякую чашу пить — до дна [Гиппиус 1999: 111]. А в парадоксальном утверждении «божьей правде — Божий обман» явлено, как Гиппиус пытается понять поэтически то, что философы пытались объяснить на рациональном уровне: антиномичность, противоречие заложено в мире изначально, в самом Боге. И в совершенном экстатическом отчаянии поэт радуется своей судьбе и знает точно, что примет любой исход. Но проходят годы, наступает время испить чашу, действительно до дна и тогда появляются другие строки. В 1933 году Гиппиус пишет:

Чаша земная полна
Отравленного вина
Я знаю, знаю давно —
Пить ее нужно до дна...
Пьем, — но где же оно?
Есть ли у чаши дно?
[Гиппиус 1999: 363]

Ответа на последний вопрос у поэтессы больше нет, и всякая уверенность дореволюционной интеллигенции в том, что любую чашу надо пить до дна, уходит. Первое стихотворение написано в жанре молитвы, где лирическая героиня готова принять от Бога и отчаяние, и радость, и смирение, и боль. Она

понимает, что в последней капле на дне чаши — спасение и искупление, оттого нет страха, и обращение к Богу легко. Молитва или же моление, что, по сути, синоним обращения к Богу, для Гиппиус было центральным сюжетом не столько ее поэзии, сколько жизни. «Исчезнет молитва, порыв — исчезнет человек» [Яцуга 2012]. Во втором стихотворении нет ни молитвы, ни смирения. Лирическая героиня близка к бунту против божественного мироустройства, дважды повторенное «знаю»: «знаю, знаю давно пить ее нужно до дна...», — свидетельство горького сомнения, реализованное и в синтаксисе стихотворения. Смятение героини, ее потерянности подчеркнута избыточностью тире, многоточий, запятых, вопросительных знаков. Героиня будто запинается, не может до конца поверить, что и такую чашу надо пить до дна. В этих двух стихотворениях с разницей в тридцать лет отражается движение от культурологических интерпретаций библейских сюжетов до философских экзистенциальных вопросов о смерти, которую все ждут, а она не приходит. Этот путь в 1930-е годы приводит к тому, что моление о чаше остается без ответа, ангел не послан утешить человека, как некогда утешил Христа («явился... Ему Ангел с небес и укреплял Его» (Лк. 22: 43)) [Библия 2001: 95], человек находится в еще большем одиночестве, чувствуя богооставленность и смятение. Меняется не только смысл стихотворения с принятия воли на немой вопрос, но меняется радостно-торжественная интонация религиозной эйфории на констатацию факта, уходят средства молитвенной выразительности («воды, стихнувшие в безмятежности» и т. д.), религиозная лексика («гордость», «смирение»), приходит осознание самой сути трагедии жизни, которая уже не принимается. Убеждение в том, что «в последней жестокости — есть бездонность нежности» [Гиппиус 1999: 111] в 1933 году обернется только одной фразой — все, что известно о мире, это то, что он полон яда. Поэтесса будто прозревает, отказывается от «детской» веры в необходимость пить чашу в любой ситуации, потому как дошла до того момента, когда это сделать уже невозможно. Чтобы точнее прочертить тот путь, который прошла Гиппиус от абсолютного принятия до немого укоряющего вопроса Богу, обратимся к еще одному стихотворению, которое является промежуточным между 1901 и 1930 годами:

...Сказаны все слова.
Теплится жизнь едва...
Чаша была полна.
Выпита ли до дна?
Есть ли у чаши дно?
Кровь ли в ней, иль вино?
Будет последний глоток:
Смерть мне бросит платок!
[Гиппиус 1999: 340]

Тот риторический вопрос, который появляется в финале стихотворения 1933 года, здесь поставлен в центр и после него еще идет восклицание, что смерть придет, и очевидно, что лирическая героиня ее не боится. Уже нет «головных» размышлений о бытии и мироустройстве, как в поэзии начала века, и хотя явно звучит тема гибели, она не так страшна, как при-

шедшие оставленность и одиночество в более позднем «Здесь». В стихотворении 1920 лирическая героиня в отчаянии (оно написано после того, как Родина была покинута), но это не кризис, не богооставленность, не одиночество, она не сомневается во всем, что было ей дорого, готова еще за это отдать жизнь. А в 1933 году уже не ясно, за что ее отдавать. Симптоматичны авторские названия стихотворений. Если сначала это манифест веры и принятия Бога — «До дна», в 1920 — переход от умозаключений о Боге к реальным действиям во имя его — «Сказаны все слова», то в 1933 году совершенно показательное название «Здесь», потому как остается важным только одно — не то, что мы знаем о мире и не то, что будем после смерти, а тот реальный мир, в котором вынуждены существовать. В эмиграции невозвратно утрачена не только Россия, но и возможность поверить в то, что пить чашу до дна — необходимо. Как точно замечает исследователь зарубежья, «гамма, которую перебирает эта литература, будет минорной, а ее тоническим трезвучием можно назвать три схваченных В. Набоковым ноты: “невозвратность” — “несбыточность” — “неизбежность”» [Матвеева 2017: 12]. З. Гиппиус, которая на протяжении всего творчества боролась в поэзии с разумом ради торжества веры, в стихотворении «Здесь» будто отступает и от веры, и от разума, поскольку и то, и другое бессильно, в стихотворении ощутимо сомнение, которое всегда есть первый шаг на пути к бунту против Бога.

Индивидуально-авторской интерпретацией мотива моления о чаше можно считать стихотворение Б. Поплавского «Возлетает бесчувственный снег». Первые три строфы посвящены созерцанию лирическим героем «двойного» увядания: дня и природы. Однако мотив увядания человеческой жизни появляется только тогда, когда лирический герой понимает, что «Все нам ясен неложный закон, / Не доверье жестокое наше. / И стаканы между окон / Гефсиманскою кажутся Чашей» [Поплавский 1999: 347] Здесь чаша приобретает символику смерти, подведения итогов, «недоверия» к жизни. Одно упоминание о чаше переводит текст из разряда созерцательных в категорию философских, экзистенциальных. Одиночество лирического героя подчеркивается «бесчувственным» снегом, который поднимается от земли к небу. Но несмотря на осеннюю тоскливую атмосферу, человек радуется любому проявлению «другого» в мире. Ему мил звук проезжающих телег, и он специально гасит свет, чтобы смочь разглядеть его в чужих окнах. Человек обретает собеседника не в реальном человеке, а в своем взгляде на чужие дома, в которых тоже зажигаются огни, но неизвестно, что делают люди за окнами, может, спят, как ученики Христа. Лирический герой все же надеется, что они тоже думают «об одном» вместе с ним, но никакого доказательства тому нет, резко сниженная бытовая деталь, соотносящая стаканы с чашей, превращает надежду на «единение» в призрачное сомнение.

Поэзия эмиграции 1930-х продемонстрировала многообразие интерпретаций, которые неизбежны, когда автор приходит к вечным мотивам. Размышления философов нашли подтверждения у поэтов, которые почувствовали в этом мотиве главное —

невозможность и необходимость выпить чашу до дна. И отсюда смятение поэта перед чашей, и смиренное принятие монахини, как «невесты Христовой», своей судьбы. И если Е. Кузьмина-Караваева непоколебима в своей вере, то З. Гиппиус поражает тем кардинальным мировоззренческим изменением, которое произошло за тридцать лет. В этом можно увидеть как трагедию отпадения от России, так и от Бога. Таким показательным стал «культурный срез» поэтов эмиграции, где мотив моления о чаше можно назвать индикатором, который измеряет близость творца к Богу. «Всякий поэт по существу эмигрант <...>, Эмигрант Царства Небесного и земного рая природы», — к такому утверждению придет «после России» М. Цветаева [Цветаева 1994: 355]. Поэзия русского зарубежья должна была особенно четко продемонстрировать, как сохраняются классические черты библейского мотива, так как она покинула не только «Царство Небесное», но и Россию с ее традиционной линией понимания Евангельского текста. В действительности же поэзия зарубежья явила сложную и многогранную картину интерпретаций, которая отражает мозаичное полотно, являющее собой всю русскую поэзию 1930-х годов.

ЛИТЕРАТУРА

- Антоний, митр. Сурожский.* Человек перед Богом. — М.: Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», 2012.
- Бердяев Н. А.* Философия свободы. — М.: АСТ, 2009.
- Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — М.: Российское Библейское общество, 2001.
- Гаспаров М. Л.* Избранные труды. — М.: Языки русской культуры, 1997. — Т. II. О стихах.
- Гиппиус З. Н.* Стихотворения. — Санкт-Петербург: Академический проект, 1999.
- Кинешемский В.* Беседы на Евангелие от Марка. — М.: Сибирская Благовзвонница, 2016.
- Козырев Ф. Н.* Поединок Иакова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/poedinok-iakova/>.
- Кормилов С. И.* История русской литературы XX века (20–90-е годы). — М.: Издательство Московского университета, 2008.
- Кривошеина К. И.* Сталин всегда и сегодня [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2008/11/kk14.html>.
- Кузьмина-Караваева Е. Ю.* Избранное. — М.: Светская Россия, 1991.
- Матвеева Ю. В.* Русская литература зарубежья: три волны эмиграции XX века. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2017.
- Мережковский Д. С.* Иисус Неизвестный [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://az.lib.ru/m/merezhkovskij_d_s/text_0280.shtml.
- Мочульский К. В.* Монахиня Мария (Скобцова). — Нью-Йорк: Третий час, 1946.
- Поплавский Б. Ю.* Сочинения. — СПб.: Журнал «Нева», Летний сад, 1999.
- Силантьев И. В.* Поэтика мотива / отв. ред. Е. К. Ромодановская. — М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Соловьев В.* Чтения о Богочеловечестве [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lib.ru/HRISTIAN/SOLOWIEW/chteniya.txt>.
- Струве Г.* Русская литература в изгнании. — Париж–Москва: Русский путь, 1996.

Чудакова М. О. Литература советского прошлого. — М.: Языки русской культуры, 2001.

Эдвингер Эдвард Ф. Христианский архетип (юнгианское исследование жизни Христа) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.psyoffice.ru/2-2-1187.htm>.

Юнг К. Г. Эон. Исследования о символике самости. — М.: Академический проект, 2009.

Яцуга Т. Е. Художественный мир З. Гиппиус в аспекте идей православной культуры [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-mir-z-gippius-v-aspekte-idey-pravoslavnoy-kultury>.

REFERENCES

Antony, *mitr. Surozhskiy*. Chelovek pered Bogom. — М.: Fond «Dukhovnoe nasledie mitropolita Antoniya Surozhskogo», 2012.

Berdyayev N. A. *Filosofiya svobody*. — М.: AST, 2009.

Bibliya: Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta. — М.: Rossiyskoe Bibleyskoe obshchestvo, 2001.

Gasparov M. L. *Izbrannye trudy*. — М.: Yazyki russkoy kul'tury, 1997. — Т. II. O stikhakh.

Gippius Z. N. *Stikhotvoreniya*. — Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt, 1999.

Kineshenskiy V. *Besedy na Evangelie ot Marka*. — М.: Sibirskaya Blagovonnitsa, 2016.

Kozyrev F. N. *Poedinok Iakova* [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: <https://azbyka.ru/otchnik/Biblia/poedinok-iaakova/>.

Kormilov S. I. *Istoriya russkoy literatury XX veka (20–90-e gody)*. — М.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2008.

Krivosheina K. I. *Stalin vsegda i segodnya* [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2008/11/kk14.html>.

Kuz'mina-Karavaeva E. Yu. *Izbrannoe*. — М.: Svetskaya Rossiya, 1991.

Matveeva Yu. V. *Russkaya literatura zarubezh'ya: tri volny emigratsii XX veka*. — Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2017.

Merezhkovskiy D. S. *Iisus Neizvestnyy* [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: http://az.lib.ru/m/merezhkovskij_d_s/text_0280.shtml.

Mochul'skiy K. V. *Monakhinya Mariya (Skobtsova)*. — N'yu-York: Tretiy chas, 1946.

Poplavskiy B. Yu. *Sochineniya*. — SPb.: Zhurnal «Neva», Letniy sad, 1999.

Silant'ev I. V. *Poetika motiva / otv. red. E. K. Romodanovskaya*. — М.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004.

Solov'ev V. *Chteniya o Bogochelovechestve* [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: <http://lib.ru/HRISTIAN/SOLOWIEW/chtieniya.txt>.

Struve G. *Russkaya literatura v izgnanii*. — Parizh-Moskva: Russkiy put', 1996.

Chudakova M. O. *Literatura sovetskogo proshlogo*. — М.: Yazyki russkoy kul'tury, 2001.

Edinger Edvard F. *Khristianskiy arkhetyp (yungianskoe issledovanie zhizni Khrista)* [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: <https://www.psyoffice.ru/2-2-1187.htm>.

Yung K. G. *Eon. Issledovaniya o simbolike samosti*. — М.: Akademicheskij proekt, 2009.

Yatsuga T. E. *Khudozhestvennyy mir Z. Gippius v aspekte idey pravoslavnoy kul'tury* [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-mir-z-gippius-v-aspekte-idey-pravoslavnoy-kultury>.

Данные об авторе

Мария Олеговна Баруткина — аспирант кафедры русской литературы XX и XXI веков, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; учитель литературы, МАОУК Гимназия «Арт-Этюд».

Адрес: 620075, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.

E-mail: lovelymeri@mail.ru.

About the author

Maria Olegovna Barutkina — Post-graduate Student of Department of Russian Literature XX and XXI-th; Teacher of Literature, Gymnasium «Art-Etude».